

Фрося росла третьим ребёнком в крепкой крестьянской семье. Старшие — брат Кузьма и сестра Александра — были намного старше её. Заскрёбыш — так в деревне называли последних поздно рождённых детей. Баловали девчущку все, и хотя у брата Кузьмы уже был маленький сын Мишутка и Шура всю невестилась, Фрося — хорошенькая, пухленькая, кудрявая — не сходила с рук взрослых. Детство её было счастливым и безоблачным до двенадцати лет, пока в Малую Кеть не пришла вторая волна коллективизации, которая разрушила жизнь её семьи.

Местные комсомольцы-добровольцы, ещё год назад скромненько собиравшиеся по избам, вдруг осмелели и по указке из района стали настраивать бедноту, ту, что не хотела работать не только в колхозе, но и на себя, против крепких и работающих единоличников, чтобы ускорить их раскулачивание и обеспечить вступление в колхоз. Заводилой был Егор, живший в семье Селивановых (лет десять назад в половодье утонули в реке его отец с матерью — соседи и друзья дядьки Павла и тётки Дины). Первыми в списке на раскулачивание и оказались люди, взявшие на воспитание девятилетнего парнишку-сироту.

— Я несколько лет батрачил на дядьку Павла, пахал с Кузьмой его землю, сеял и убирал хлеб, косил сено, заготавливал дрова, ходил за скотиной — и всё бесплатно, только за еду. Раскулачивать надо таких середняков! — размахивал руками на колхозном собрании приёмный, как считали в деревне, сын.

И никто из сельчан не заступился за Павла Степановича — каждый боялся за себя. Районный представитель только согласно и одобрительно кивал головой, записывая что-то в свой блокнот. Несколько крепких работающих мужиков, которых причислили к зажиточным середнякам, пострадало в ту злополучную осень... Но раскулачивание Селивановых, как оказалось, было показательным: с другими единоличниками поступили активисты не так жёстко: повыгоняли со дворов скотину, забрали в колхоз инвентарь, но из домов не выселили — дали возможность вступить в колхоз и зарабатывать трудовни.

Комиссия, во главе которой был Егор, пришла во двор Селивановых на следующее после собрания утро. Грубо оттолкнув в сторону Фросину мать, добровольцы вошли в избу и по-хозяйски стали выкидывать из сундуков одежду: это — Вершининым (беднящая многодетная семья, которая даже картошку возле дома ленилась выращивать, а сопливые ребятишки побирались по деревне), а это — Толстихиным... Тот день Фрося запомнила на всю жизнь.

А новоявленные активисты хозяйничали в избе и ограде: посуду — чугунки, даже прихваты и чашки, иконы, что были спрятаны на русской печке, безжалостно разбили и растоптали. Из амбара выкатывали кадушки с засоленными на зиму огурцами и солёными грибами, ящики с заготовленной брусникой, туюски с вареньями и мёдом — всё вываливали на землю, месили сапогами, матерились и костерили хозяев, наживших столько добра... Но с победным гиканьем выкатывали со двора, сломав при этом ворота, плуг, косилку, сеялку с веялкой, ещё какой-то инвентарь, сёдла, сбруи и даже вожжи; выгнали, похлёстывая кнутом, кобылу Карьку с ещё необъезженным жеребцом, корову Пеструшку с подростом за лето бычком, а жирный и неповоротливый кастрированный боров всё норовил завернуть обратно в стайку, но его так «прижигали» кнутом, что он визжал на всю деревню. Седые от мучной пыли «бывшие батраки» выгребали под метёлочку в заранее подготовленные мешки свежемолотую пшеницу...

Почти у самого крыльца нетерпеливо переминался с ноги на ногу новый хозяин большого пятистенного дома Фёдор Вершинин — здоровенный мужик, на котором

пахать бы да пахать, а он для единственной коровёнки сено заготовить ленился, сдав её, отощавшую, в колхозное стадо.

Беззвучно плакала Фросина мать, играли желваки на скулах отца, подвывали тихонько, прикрыв платками лица и утирая слёзы, собравшиеся соседки — страх витал в утреннем прохладном воздухе.

А потом подкатила телега с милиционером, и увезли, не дав попрощаться с женой и дочками, раскулаченного середняка Павла Степановича, силой усадили старшего сына Кузьму, от которого едва оторвали орущую годовалую дочку, и зятя — мужа Александры, медовый месяц которых закончился так внезапно и трагически. По дороге в район парень пытался сбежать в ближайший лесок, и его просто пристрелили — он так и не узнал, что молодая жена осталась беременной... Шура, оставшись без крыши над головой, в тот же день пешком ушла за полсотни километров к родителям мужа в соседнюю деревню — она ещё тоже не знала, что носит под сердцем ребёнка.

Отца и сына Селивановых определили на лесозаготовки в соседнем районе, откуда они оба вскорости благополучно сбежали. Кузьма вернулся в свою деревню к жене, точнее, к её родителям, его не судили (поговаривали малокетцы, что за него заступился Егор) и вроде оправдали тем, что владелец раскулаченного хозяйства не он. А Фросин отец подался на север, добрался, где пешком, где на перекладных, до небольшого зимовья Немчаны на берегу реки Большой Пит, что в Северо-Енисейском районе.

...Ослабевшую от горя тётку Дину с Фросей никто из деревенских не отважился приютить — разошедшийся от переизбытка власти Егор грозился наказать тех, кто будет помогать раскулаченным. Кто-то всё же подсказал: у самого кладбища давно пустует избушка, — вот туда и побрели Фрося с матерью. Поздним вечером, под покровом темноты, добросердечные сельчанки принесли кто что мог: три старых ватных одеяла, какие-то тряпки, чугунок с отбитым сверху краем, алюминиевую кружку и ведро. Утром новосёлы обнаружили за порогом завёрнутый в платок хлеб, шмат сала, несколько картошин и узел с подшитыми пимами, старенькой женской душегрейкой и пальтишком для Фроси — ведь уже приближались холода. Дружок брата Кузьмы, тоже Кузьма,

принёс поздним вечером несколько старых досок и заколотил единственное маленькое окошко, повесил на петли сбитую входную дверь. В избушке стало темно и жутко...

Зима объявилась слишком быстро, и если бы не Кузьма, околеть бы бездомным в первые же морозы: по темноте он, крадучись, пробирался к кладбищу, приносил немного хлеба, солёных огурцов или грибов, а то и вязку вяленого сохатиного мяса; однажды притащил полмешка ржаной муки. За несколько вечеров он восстановил небольшую разбитую печурку, прихватывая с собой из дома не только что-нибудь из еды, а ещё и спрятав под одежду пару старых кирпичей. Деловито помог тётке завесить одним одеялом окошко, вторым — дверь. Как-то приволок целый мешок бересты на растопку. А за дровами мать с дочерью, пока не выпал большой снег, ходили в лесок, собирая хворост и большие отломанные ветром ветки деревьев, разрубая их оставленным Кузьмой топором, складывая в кучу и завалив угол чуть не до потолка. Да и сам их спаситель ни разу не пришёл без полена, а то и целой охапки.

Дровишки сэкономили, растапливая печурку по утрам, чтобы приготовить еду и согреться хоть немного у дверцы, любуясь через дырочки ярким светом и спасительным огнём. Спали в одежде под одним одеялом, тесно прижавшись друг к другу. Фрося подолгу не могла уснуть, дрожа и прислушиваясь к мёртвой тишине, представляя, как поднимаются из могил покойники и идут к их избушке. Утомлённая страшными видениями, она засыпала... Этот страх перед кладбищем и покойниками остался у Фроси на всю жизнь. Даже взрослой она никогда не ходила на похороны, каким бы дорогим ни был для неё человек, далеко обходила кладбище, боясь смотреть в его сторону.

...Зима эта, слава Богу, была не слишком лютой и долгой. Вот уже и дни стали длиннее, и солнце поднималось выше. Жидкая болтушка из муки и растопленного снега заканчивалась. Перестал приходить Кузьма, и что с ним случилось, Фрося с матерью не ведали. Уже потом узнали, что на Кузьму донесли в сельсовет и его куда-то увезли. В деревню он больше не вернулся...

Весна пришла ранняя, горячая, в считанные дни растопив снег, заставив снять с окошка одеяло, оторвать доски

и пустить в избушку тепло и свет. Всё это делала уже сама Фрося — мать лежала исхудавшая до неузнаваемости, ослабевшая и обовшивевшая...

Кладбище, обдуваемое ветром и обласканное солнцем, было на взгорке. Из отогревшейся земли полезла первая зелень. Фрося на коленках собирала малюсенькие побеги конского щавеля, лебеды, крапивы, саранок, нераскрывшиеся бутоны одуванчиков, жадно жевала прямо с остатками земли и торопливо глотала, а потом кормила свежей зеленью мать. Подросток, она поняла, что, спасая её от голода, мать недоедала всю зиму. И вот однажды Фрося под руки вывела лёгкую, едва передвигающую ноги маму за порог. Приближалось лето, начиналась новая жизнь.

Пожалев девчущку, председатель принял её в колхоз, определив на конюшню помощником конюха. О матери даже речи не было — раскулаченная! Хорошо, что Егор пошёл в район на повышение, иначе бы он и этого не допустил — слишком глубоко засели в нём зависть и злость к благополучной семье.

Жизнь в колхозе начиналась ранним утром: с восходом солнца конюх кормил и выгонял в пригон лошадей, а потом наступал рабочий день Фроси. До кровавых мозолей она сбивала лопатой и метлой руки, убирая навоз, вычищая до самого вечера кормушки, но возвращалась в прикладбищенскую избушку с едой — большим ломтем хлеба или маленьким мешочком с ржаной мукой. Лес давал черемшу, ягоды и грибы, их мать, набравшись сил, заготавливала сама.

А тем временем дал знать о себе отец Фроси, прислав письмо жене,— звал её с дочками к нему на Немчаны: мол, у него есть работа, жильё, рядом река, лес, в изобилии рыба, зверь и птица, и здесь все они будут сыты. Порешили так: Александра пристроена, поздней весной родила сынишку и воспитывает его со свекровью и свёкром в соседней деревне, у Фроси в колхозе есть кусок хлеба, ей разрешили ночевать в тёплой комнатушке на конюшне, и не надо уже возвращаться в опостылевшую избушку на кладбище. Евдинья Ивановна, скрепя сердце, давясь слезами от жалости к младшей дочке, делившейся с ней последним куском, пешком отправилась за сотни километров на неведомые ей Немчаны.

Уже поздней осенью Фрося получила весточку, что мать добралась до места, что отец, слава Богу, жив и здоров, что его определили зимовщиком, он получил паспорт, начальство хлопочет о паспорте и для неё как помощника зимовщика. И никто здесь не знает, что они из раскулаченных. Вдвоём с мужем они заготавливают на зиму дрова, готовят еду, косят и сушат траву на нары, где отдыхают и ночуют проезжающие летом по реке илимщики, а зимой они будут обеспечивать ночлег и еду для погонщиков конных обозов, перевозящих по замёрзшему Питу грузы в отдалённые северные посёлки.

Принять приглашение родителей перебраться к ним на север Фрося не отваживалась. Хотя за последних года что только она не испытала: ходила наравне с мужиками за плугом, летом не разгибала спины в поле, пасла колхозный скот, доила коров, выхаживала телят, косила и ворошила сено для общего стада... и к семнадцати годам превратилась в первую деревенскую красавицу, у которой отбоя не было от женихов — своих, местных, и из соседних поселений.

Несколько раз приезжал свататься Егор, обещал вернуть дом, настойчиво, потев и краснея от унижения, предлагал переехать к нему в большую квартиру в районном центре, говорил про любовь, золотые горы сулил...

Фрося ни слышать, ни видеть его не могла, в памяти всплывали картины из детства: очумевшая от горя мать, униженный отец на телеге с милиционером, брат Кузя, прижимающий к груди плачущую дочку, и полные ужаса ночи в избушке у кладбища.

...Пошли слухи, что Егора сняли с высокой должности; приезжающие в Малую Кеть представители районной власти открыто говорили о перегибах в проведении коллективизации.

На общем колхозном собрании в клубе было решено вернуть члену колхоза, передовику Фросе Селивановой родительский дом. Через год вернулась в деревню мать — постаревшая, поседевшая, вернулась ненадолго, чтобы выдать дочь замуж на красивого и работающего парня из соседнего села. Отец не приехал, он всё ещё числился в бегах.